

МЕДНАЯ КОРОЛЕВА И 15 ПЕЧЕНЕК

Валторнист Фёдор Яровой – о нейронных связях, мотоциклах и шутках Моцарта

**Вера
НОВИКОВА**
обозреватель
«Новой»

О чудодейственных свойствах классической музыки ходят легенды. Исцеляет, снимает головную боль, нормализует давление и даже ускоряет рост растений. Правда это или фантазии – доказывать ученым. А вот то, что она позволяет перемещаться во времени, – факт бесспорный. В этом могли убедиться гости Рязанской филармонии: 1 ноября в Зале камерной музыки прошел концерт ансамбля «Солисты Рязани» и лауреата международных конкурсов Фёдора Ярового (валторна). Музыканты представили уникальную программу «Королева Валторна – от охоты до джаза». В сопровождении Ее Медного Высочества зрители совершили путешествие по разным эпохам: от средневековья через барокко и классицизм к романтизму и современности.

Само слово «waldhorn» в переводе с немецкого означает лесной рог. Начиная свою экскурсию по переулкам времени, Фёдор Яровой вспоминает и иерихонские трубы, и рог Александра Македонского, которым тот возвещал призыв к атаке. Однако первая музыкальная остановка происходит в средневековом замке. Артист рисует заманчивую картинку: величественный зал, мерцающий свет горящих свечей еле-еле разгоняет темноту высоких каменных сводов, тихо играет квартет и где-то на крепостной стене трубят часовой... Немецкий почтовый (охотничий) рожок XVIII века – прародитель современной валторны. Конечно, это еще не тот инструмент, на котором можно полноценно исполнять концерты: у него всего три ноты. Но, как шутит Фёдор Яровой, этого вполне хватило композитору Михаэлю Преториусу, музыка которого перенесла зрителей в рыцарскую эпоху.

Маленький рожок был первым «экспонатом», с которым встретился рязанский зритель. Следом за ним «слово» взяли барочная и натуральная валторны, а также хроматическая валторна и флюгельгорн – «племянник нашей королевы», как представил его музыкант. Знакомство с историческими инструментами для публики превратилось в настоящий ликбез. Современные реплики старинных образцов, которыми пользуется музыкант, выполнены немецкими мастерами с абсолютной точностью. И зрителям было предложено угадать, зачем, например, у инструмента эпохи возрождения раструб окрашивался в черный цвет. Без подсказки не обошлось: оказывается, чтобы не пугать отблесками лошадей. Ведь музыку зачастую слушали после охоты, даже не спешиваясь.

Что такое техника закрытых нот, как меняются кроны (каждая для своей тональности), как постепенно эволюционирует и усложняется инструмент – концерт оказался увлекательной лекцией, сопровождаемой музыкой М. Преториуса, Г.Ф. Генделя, В.А. Моцарта, Й. Гайдна, А. Блана, Ф. Шуберта, Э. Кука, Л. Андерсона и А. Пьяццоллы.

Но, как опытный лектор, Фёдор Яровой предусмотрел и юмористические паузы. Предваряя валторновый концерт Моцарта, артист поделился, что в Вене ему посчастливилось увидеть оригинал партитуры. Четыре концерта для валторны были написаны Моцартом для его друга Йозефа Лойтгеба, которого он знал с детства. И оказалось, что композитор оставил для приятеля на полях пометки, причем довольно смешные. Не все из них можно читать детям, честно признался музыкант. Но кое-какие авторские послания Моцарта зрители увидели во время исполнения концерта.

«Ну, быстрее! Не бойся!», «Чудовище, как же фальшиво!», «Отдохни и съешь 15 печенек!» – веселые комментарии встречались смехом зрительного зала, а в финале и вовсе вызвали бурю аплодисментов: «Браво! А теперь пора отмечать!»

И эта дошедшая сквозь века реплика Моцарта оказалась, как нельзя, к месту: 1 ноября Фёдор Яровой праздновал в Рязани свой юбилей. Разумеется, артисту с таким насыщенным гастрольным графиком не впервой встречать день рождения вне дома. Однако, как признался Фёдор, главное чувство, которое ему нужно для ощущения праздника, – это самореализованность. Поэтому, когда филармония предложила для выступления несколько дат на выбор, он, не колеблясь, остановился на этом варианте.

Андрей ПАВЛУШИН

День рождения располагает к разговорам о семье, поэтому интервью мы начали с традиционного вопроса об истоках увлечения музыкой.

– Родился я в музыкальной семье с богатыми традициями. Папа уже более тридцати лет работает в Большом театре, мама – педагог по классу скрипки. Братья и сестры, мои дети – также музыканты, так что преемственность поколений не нарушается. Но наша семья струнная, причем струнно-альтовая. Сестра, два брата и отец – все играют на альте. А я вот как-то выпал из этой истории. Хотя изначально учился на скрипке. Но, видимо, играл неважно, поскольку родители решили сменить профиль и спустя три года определили меня в Гнесинскую десятилетку на валторну. Они полагали, будто отдадут меня на более простой инструмент, и вот теперь-то всё наконец пойдет. И всё пошло, но совсем не сразу и с большими приключениями. Чтобы овладеть этим инструментом, пришлось приложить много труда и сил.

– Валторна (наравне с гобоем) считается одним из самых сложных инструментов симфонического оркестра. По этому рекорду она даже занесена в Книгу рекордов Гиннесса. Но в чем конкретно состоит сложность?

– Физически валторна представляет собой длинную тонкую металлическую трубку с мундштуком и широким раструбом, свернутую в кольцо в несколько рядов. За счет такого строения велика возможность взять не ту ноту, просто из-за того, что много обертонов. На той же трубе, по законам физики, играть гораздо проще.

– В каком возрасте вы взяли валторну в руки?
– Наверное, где-то в 13 лет.

– И когда почувствовали, что инструмент покорился?
– О, этого я не могу утверждать и сейчас! Валторна – очень ревнивая «девушка», требует ежедневного внимания,

ухода и тщательного обращения с собой. Но ощущение того, что я могу делать на ней то, что хочу, пришло уже в консерватории.

– Давайте вспомним учителей.

– Гнесинскую школу я окончил у педагога Андрея Крючкова. В Московскую государственную консерваторию имени П.И. Чайковского поступил к известнейшему валторнисту профессору Игорю Макарову, солисту Российского национального оркестра. Собственно, у него я и перенял все профессиональные навыки, которые требуются для исполнения. Кроме этого, неоднократно посещал мастер-классы в Европе, несколько лет работал в Германии солистом немецкого оркестра «Филармония

Наций». Мне было интересно, как соотносятся школы валторнистов разных стран. На самом деле методы обучения несколько отличаются, и традиционно считается, что медная школа все-таки сильнее в Европе, в частности, в Германии.

– Вы играете и на натуральной валторне, и на современной, причем историческая исполнительская манера кардинально отличается. Насколько трудно перестраиваться? Координировать левую и правую руки?

– Чем труднее ставишь себе задачи, тем больше нейронных связей появляется в мозге. В итоге, все не так сложно, как кажется. Гораздо тяжелее с техникой дыхания: разные инструменты требуют своего подхода. Но, если много заниматься, с практикой все приходит.

– Про ваш инструмент ходит множество байк и анекдотов. Например, все валторнисты попадают в рай, потому что, когда валторнист играет соло, за него молится весь оркестр. У вас есть свои любимые?

– Ох, сразу вспомнить трудно! Лучше расскажу страшный сон валторниста. Худшее, что может случиться, если перед концертом внезапно выясняется, что раструб или мундштук забыл дома. Приходится тянуть время и откладывать начало, пока кто-то не подвезет пропажу.

– На вашей страничке в социальной сети много фотографий с мотоциклом. Серьезное увлечение?

– Это вторая половина жизни. Насколько я люблю музыку, настолько люблю и мотоциклы.

– Обычно творческие люди остерегаются таких травмоопасных видов спорта, берегут руки и пальцы.

– Валторнисту гораздо важнее, чтобы губы не пострадали. Поэтому шлем – обязательно. Но отказаться от мотоцикла невозможно. Скорость, как и музыка, дает настоящую свободу и подлинное удовольствие.